

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГЕРОЕВ

Ален размышляет о пупке	11
Рамон прогуливается по Люксембургскому саду	13
Рак отменяется	15
Тайное очарование тяжелой болезни	17
Необъяснимая ложь, необъяснимый смех ...	21
Рамон в гостях у Шарля	22
Лекция Рамона о блестящем и незначительном	24

Часть вторая КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Двадцать четыре куропатки	31
Шарль мечтает о пьесе для кукольного театра	34
Бунт в туалете	37
В следующий раз Шарль рассказывает друзьям о Калининe и о прусской столице ...	40
Ален обнаруживает неслыханную ранее нежность Сталина	44

Содержание

Часть третья

АЛЕН И ШАРЛЬ ЧАСТО ДУМАЮТ О СВОИХ МАТЕРЯХ

Тайна пупка впервые взволновала его, когда он в последний раз видел свою мать.....	51
Из машины выходит женщина.....	54
Она убивает.....	57
Она возвращается домой.....	60
Извинялы.....	62
Ангелы.....	65

Часть четвертая

ВСЕ В ПОИСКАХ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

Калибан.....	71
Белые пиджаки и юная португалка.....	74
Фотография на стене.....	78
Как производят на свет извинял.....	81
Рамон прибывает на коктейль в крайне дурном настроении.....	84
Ален ставит на шкаф бутылку арманьяка... ..	89
Каклик призывает хорошее настроение	93

Часть пятая

ПЕРЫШКО ПАРИТ ПОД ПРИТОЛОКОЙ

Перышко парит под притолокой.....	99
Конец мечтаний.....	101
Рамон жалуется на то, что шутки кончились.....	103

Содержание

Ла Франк уходит.....	109
Рамон уходит.....	111
Дерево Евы.....	112

Часть шестая

ПАДЕНИЕ АНГЕЛОВ

Прощание с Марианой.....	117
Бутылка арманьяка на горделивой высоте ..	121
Мир по Шопенгауэру.....	123
Удар кулаком по столу, который услышат везде.....	126
Падение ангелов.....	128
Старый арманьяк истекает на пол.....	129
Незнакомец прощается со своей возлюбленной.....	130
Дурной знак.....	132
Сталин и Калинин убегают.....	134

Часть седьмая

ТОРЖЕСТВО НЕЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ

Диалог на мотоцикле.....	139
Рамон беседует с Аленом об эпохе пупков ..	143
Появление Д'Ардело.....	148
Появляются стреляющий и писающий.....	151
Торжество незначительности.....	154

Часть первая
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ГЕРОЕВ

АЛЕН РАЗМЫШЛЯЕТ О ПУПКЕ

Стоял июнь, утреннее солнце выходило из-за облаков, и Ален медленно шагал по парижской улице. Он разглядывал юных девушек, они демонстрировали свои оголенные пупки между заниженным поясом брюк и завышенной линией топиков. Он был заворожен, заворожен и смущен: как будто самый мощный импульс соблазна исходил не от бедер, не от ягодиц или груди, а от этой маленькой круглой ямочки посреди тела.

Это подвигло его на размышления: если средоточие женской соблазнительности мужчина (или эпоха) видит в бедрах, как описать и определить особенность этой эротической установки? Экспромтом родился ответ: длина бедер — это метафорический образ дороги, долгой и пленительной (вот почему бедра должны быть длинными), которая ведет к эротическому финалу; в самом

Часть первая

деле, подумал Ален, даже в самый разгар совокупления длинные бедра даруют женщине эротическое очарование чего-то недоступного.

Если средоточие женской соблазнительности мужчина (или эпоха) видит в ягодицах, как описать и определить особенность этой эротической установки? Экспромтом родился ответ: грубая мощь; веселье; самая короткая дорога к цели; а цель возбуждает еще больше, потому что двойная.

Если средоточие женской соблазнительности мужчина (или эпоха) видит в груди, как описать и определить особенность этой эротической установки? Экспромтом родился ответ: святость женщины; Дева Мария, кормящая грудью Иисуса; мужчина, преклоненный перед благородной миссией женщины.

Но как определить эротизм мужчины (или эпохи), который средоточие женской соблазнительности видит посреди тела, в пупке?

РАМОН ПРОГУЛИВАЕТСЯ ПО ЛЮКСЕМБУРГСКОМУ САДУ

Приблизительно в то же самое время, когда Ален предавался размышлениям о различных истоках женской соблазнительности, Рамон стоял перед музеем в Люксембургском саду, где вот уже месяц выставлялись картины Шагала. Ему хотелось их посмотреть, но он заранее знал, что не найдет в себе сил по собственной воле превратиться в частицу нескончаемой очереди, что медленно тащилась к кассе; он посмотрел на этих людей, их парализованные скукой лица, представил себе музейные залы, в которых их туловища и болтовня будут загоразживать и заглушать картины, через минуту отвернулся и направился по аллее вглубь сада.

Там атмосфера была повеселее; род человеческий казался не таким многочисленным и держался свободнее: кто-то бежал, но не потому, что спешил, а просто ему нра-

Часть первая

вилось бежать; кто-то прогуливался и ел мороженое; на газоне последователи какого-то восточного учения делали странные плавные движения; чуть дальше полукругом стояли большие белые статуи королев и прочих благородных дам Франции, а еще дальше, на газоне среди деревьев, по всему саду, — скульптуры поэтов, художников, ученых; он остановился перед бронзовой статуей соблазнительного подростка в обтягивающих шортах и с обнаженным торсом, который предлагал маски Бальзака, Берлиоза, Гюго, Дюма. Рамон не смог сдержать улыбки и продолжил фланировать по этому саду гениев; скромные, в обрамлении любезного равнодушия гуляющих, они, должно быть, чувствовали приятную свободу; никто не останавливался, чтобы рассмотреть их лица или прочесть надписи на пьедесталах. Рамон упивался этим безразличием, словно утешительным покоем. Постепенно широкая, почти счастливая улыбка появилась у него на лице.

РАК ОТМЕНЯЕТСЯ

Приблизительно в то же самое время, когда Рамон передумал идти на выставку Шагала и вместо этого отправился бродить по парку, Д'Ардело поднимался по лестнице, ведущей в кабинет врача. Сегодня было ровно три недели до его дня рождения. Уже много лет он ненавидел их, свои дни рождения. Из-за цифр, которые за ними стояли. Однако игнорировать их не удавалось, поскольку счастье оттого, что его чествовали, было сильнее стыда оттого, что он старел. Тем более что на этот раз посещение врача прибавляло этому празднику новые краски. Ведь именно сегодня ему предстояло получить результаты анализов и узнать, о чем свидетельствуют подозрительные симптомы в его организме: это онкология или все-таки нет. Он вошел в приемную и дрожащим голосом проговорил про себя, что через три недели будет отмечать одновременно и день

Часть первая

своего такого далекого рождения, и день своей такой близкой смерти, то есть праздновать двойной праздник.

Но, увидев улыбающееся лицо врача, он понял, что смерть решила отклонить его приглашение. Доктор дружески пожал ему руку. Со слезами на глазах Д'Ардело не смог произнести ни слова.

Медицинский кабинет находился на авеню Обсерватуар, в каких-нибудь паре сотен метров от Люксембургского сада. Поскольку Д'Ардело жил как раз по ту сторону сада, на маленькой улочке, он решил идти через сад. Прогулка среди зелени сделала его и без того прекрасное настроение почти веселым, особенно когда он огибал большое полукружье статуй бывших королей Франции, изваянных из белого мрамора, в полный рост, в торжественных позах, показавшихся ему забавными и даже игривыми, словно эти дамы хотели таким образом выразить свою радость по поводу прекрасной новости, которую он только что узнал. Не в силах совладать с собой, он пару раз махнул им рукой в знак приветствия и рассмеялся.

ТАЙНОЕ ОЧАРОВАНИЕ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ

Где-то там, неподалеку от знатных мраморных дам, Рамон встретился с Д'Ардело, с которым всего лишь год назад они работали в одной конторе, ее название не представляет для нас никакого интереса. Они остановились друг против друга, и после обычных приветствий Д'Ардело стал рассказывать:

— Дружище, вы знаете Ла Франк? Пару дней назад у нее умер любовник.

Он сделал паузу, и в памяти Рамона возникло прекрасное лицо известной женщины, которую он знал только по фотографиям.

— Агония была мучительной, — продолжал Д'Ардело. — Она до последнего оставалась с ним. О, как она страдала!

Рамон, словно замороженный, смотрел на радостное лицо того, кто рассказывал ему эту мрачную историю.

Часть первая

— Представьте себе, еще утром она держала умирающего в объятиях, а вечером ужинала с друзьями, я тоже там был, и вы не поверите, она казалась почти веселой! Я ею восхищался! Какая сила! Какая любовь к жизни! Глаза еще красные от слез, а она смеется! А ведь мы все знаем, как она его любила! Как она, должно быть, страдала! Какая сила у этой женщины!

Как и четверть часа назад в кабинете врача, на глазах Д'Ардело заблестели слезы. Ведь когда он говорил о силе духа этой самой Ла Франк, то думал о себе. Разве он сам весь этот месяц не ощущал близкого дыхания смерти? Разве твердость его характера не подверглась тяжелому испытанию? Даже сделавшись простым воспоминанием, рак оставался с ним, словно свет слабой лампочки, который загадочным образом завораживал его. Но ему удалось справиться со своими чувствами, и он заговорил на более прозаическую тему:

— Кстати, если я не ошибаюсь, вы ведь знаете кого-то, кто умеет организовывать коктейли, жратву, всякое такое.

— Знаю, — ответил Рамон.

Д'Ардело:

— Я хочу отпраздновать свой день рождения.

Представление героев

После трогательных рассказов о небезызвестной Ла Франк последняя фраза показалась Рамону довольно легкомысленной, и он не смог сдержать улыбки:

— Вижу, веселая у вас жизнь.

Странно, но эта фраза Д'Ардело не понравилась. Легкомысленный тон словно разрушал своеобразную красоту его хорошего настроения, красоту, осененную магическим пафосом смерти, воспоминание о которой по-прежнему не покидало его.

— Да, — сказал он, — в целом все неплохо, — а затем, выдержав паузу, добавил: — Хотя...

И после новой паузы:

— Знаете, я только что от своего врача.

Замешательство на лице собеседника ему понравилось; он не торопился продолжать, так что Рамон вынужден был спросить:

— И что? Есть проблемы?

— Есть.

Д'Ардело вновь замолчал, и Рамону ничего не оставалось, как снова спросить самому:

— И что вам сказал врач?

В этот самый момент в глазах Рамона Д'Ардело, как в зеркале, увидел свое лицо: лицо человека пожилого, но все еще краси-

Часть первая

вого, с печатью грусти, которая делала его еще более привлекательным; он подумал, что этот красивый грустный человек вскоре отметит свой день рождения, и мысль, которую он лелеял с самого визита к врачу, вновь пришла ему в голову, восхитительная мысль о двойном празднике: рождения и смерти. Продолжая рассматривать себя в глазах Рамона, он спокойно и очень тихо произнес:

— Рак...

Рамон что-то пробормотал и неловко, по-братски, коснулся руки Д'Ардело:

— Но это лечится...

— Увы, слишком поздно. Но забудьте, что я вам сказал, и никому об этом не говорите; подумайте лучше о моем коктейле. Надо жить! — воскликнул Д'Ардело и, прежде чем продолжить путь, махнул рукой в знак приветствия, и этот сдержанный, почти робкий жест был таким неожиданным, что Рамон смутился.